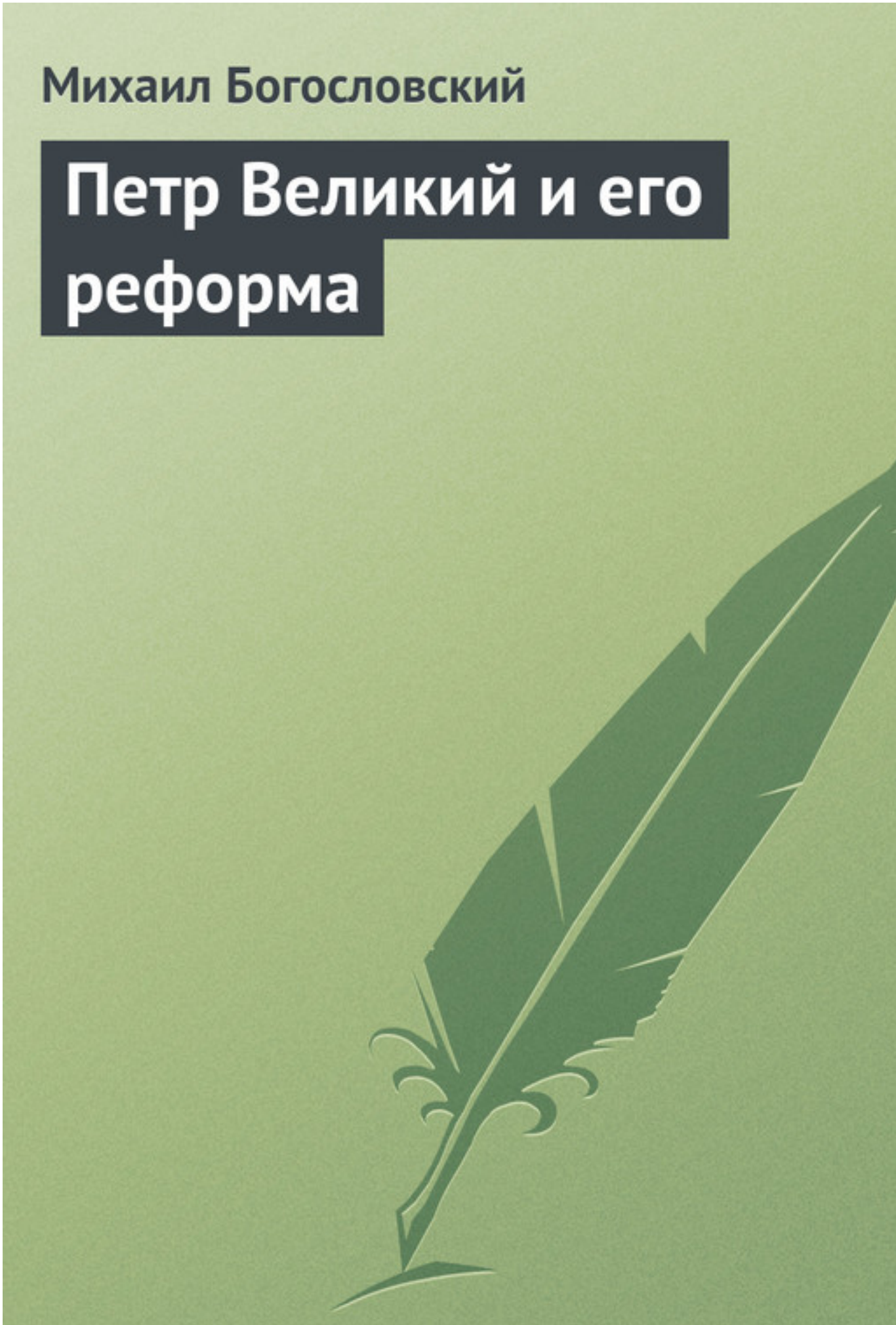
Михаил Богословский

Петр Великий и его реформа



Михаил Михайлович Богословский

Петр Великий и его реформа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8650085

Аннотация

«В ночь на 30 мая 1672 года у царя Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны, второй его жены, родился сын, царевич Петр. В субботу 29 июня, в день тезоименитства новорожденного царевича, в шестом часу утра, до обедни, в церкви св. Алексия митрополита в Чудове монастыре совершено было над младенцем таинство крещения. Крестил царский духовник протопоп Благовещенского собора Андрей Савинов, восприемниками от купели были царевич Федор Алексеевич и сестра Алексея Михайловича, царевна Ирина Михайловна. К крещению выносила царевича назначенная к нему в «мамы» боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына. С новорожденного царевича была снята мерка, и в тот же день 29 июня иконописцу Федору Козлову заказан был образ тезоименитого царевичу св. апостола Петра на кипарисовой доске мерою в рост царевича: длиною в 11 вершков, шириною в 3 вершка…»

Содержание

Глава I 4
Глава II 11
Глава III 15
Глава IV 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

М. М. Богословский
Петр Великий и его реформа

Глава I

Рождение Петра. – Детские годы. – Первоначальное обучение. – Майский бунт 1682 года

В ночь на 30 мая 1672 года у царя Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны, второй его жены, родился сын, царевич Петр. В субботу 29 июня, в день тезоименитства новорожденного царевича, в шестом часу утра, до обедни, в церкви св. Алексия митрополита в Чудове монастыре совершено было над младенцем таинство крещения. Крестил царский духовник протопоп Благовещенского собора Андрей Савинов, восприемниками от купели были царевич Федор Алексеевич и сестра Алексея Михайловича, царевна Ирина Михайловна. К крещению выносила царевича назначенная к нему в «мамы» боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына. С новорожденного царевича была снята мерка, и в тот же день 29 июня иконописцу Федору Козлову заказан был образ тезоименитого царевичу св. апостола Петра на кипарисовой доске мерою в рост царевича: длиною в 11 вершков, шириною в 3 вершка.

Новорожденного царевича окружала та же царственная роскошь, в какой проходили младенческие годы всех царевичей XVII века. К младенцу приставлен был целый штат. При нем мы видим кормилицу, «маму», и помощницу «мамы». При детской царевича состояли еще шесть женщин: казначея, заведовавшая бельем и платьем, и пять постельниц. Царевич со своим штатом помещался в особых, пристроенных к дворцу деревянных хоромах.

По мере роста царевича детская его наполняется игрушками, описание которых нам также сохранили хозяйственные документы дворцовых приказов. В январе 1673 года восьмимесячному царевичу были сделаны «два стульца деревянных потешных на колесах». В мае того же года внесена в хоромы царевича исполненная шестью костромскими иконописцами «потешная книга» (книга с картинками).

Ко дню именин годовалого ребенка был сделан «конь деревянный потешный» на колесах железных прорезных, обтянутый жеребячьей кожей, с седлом, положенным на войлок, обитый серебряными гвоздиками, с прорезными железными позолоченными стременами и с уздечкой, украшенной изумрудцами. К тому же дню были сделаны царевичу игрушечные два «барабанца», размерами один в четверть аршина, другой в 3 вершка. В июле 1673 года в детской появляется музыкальный инструмент «цымбальцы маленькие» с золотым шнурком и кистями.

Такая обстановка окружала царевича Петра в первые три с половиною года его жизни. Его хоромы со стенами, обтянутыми ярким сукном и обитыми серебряной кожей, озаряемые лучом солнца, проникавшим сквозь расписные слюдяные окна, полны были красок и звуков.

Детская была полна оживления. Жужжали стрелы, спущенные с посеребренных луков, двигался занимавший, должно быть, среди забав главное место деревянный конь в богатом уборе с позолоченными стременами и с уздечкой, сиявшей изумрудцами, развевались пестро расписанные знамена, развертывались яркие картинки в потешных книгах, пускался в дело целый арсенал игрушечного оружия: топориков, шестоперов, обушков и пр., звенели струны цымбальцев и цимбал, должно быть, бывших в большом употреблении, потому что часто отдавались в починку, стучали барабаны, раздавался звон маленьких потешных колоколов-набатов и бубенчиков – вот тот волшебный мир игрушек, в котором протекали первые годы беззаботного младенчества. Заметим, что к трехлетнему возрасту ясно начинают обна-

руживаться наклонности и вкусы царевича; в бесконечном запасе игрушек делается отбор; преобладание начинают получать военные «потехи».

В детской маленький царевич, вероятно, не один; к царевичам для игр подбирали всегда сверстников, детей придворных, в особенности из царицыной родни. О том, что Петр с младенчества окружен был товарищами, свидетельствует уже и то количество, в котором заготовляются для его детской игрушки: знамена, барабанцы, игрушечное оружие. Такие мальчики при царевичах жаловались званием комнатных стольников. Одним из участников детских игр Петра с младенческих лет был сын воспитателя царицы, Артамона Сергеевича Матвеева, будущий видный сотрудник царя – Андрей Артамонович (род. 1666), пожалованный званием стольника на 8-м году от роду. Из этого же круга комнатных стольников при царевиче вышли сотрудники Петра – Автомон Михайлович Головин и знаменитый канцлер Гавриил Иванович Головкин. Необходимой принадлежностью детской царевичей в XVII веке были «комнатные карлы». Таких карликов упоминается при двухлетнем царевиче трое, в 1679 – четверо.

Безмятежно, как тихий летний день, прошли три года и семь месяцев детства Петра в уютном Кремлевском тереме и на загородном приволье на чистом воздухе в селах Воробьеве, Коломенском и Преображенском. У младенца могло сохраниться воспоминание о пышных выездах царя Алексея, о его походах на богомолье к святыням, о его красивых и занимательных для детского внимания соколиных потехах, на которые брал с собою отец малолетнего царевича. Вдруг стряслась беда. В январе 1676 года царь Алексей Михайлович внезапно занемог и 29 января скончался. Царем стал старший его сын Федор Алексеевич. При дворе должны были произойти перемены. Старшими детьми царя Алексея, их родственниками по матери и приспешниками второй брак царя с Нарышкиной был встречен враждебно. Недружелюбное отношение к молодой мачехе, сдерживаемое при отце, теперь проявилось открыто. Царица-вдова с ее малолетними детьми должна была занять во дворце второстепенное место. Через полгода над ней разразился новый удар. 4-го июля 1676 года ее воспитатель, боярин А. С. Матвеев, «приятель» царя Алексея и его первый министр, ближайший советник царицы после смерти мужа, опора ее и Нарышкиных, был отправлен в ссылку, сначала в почетную в Верхотурье на воеводство, а затем и в заточение в Пустозерск. Выслан был из столицы старший из братьев Натальи Кирилловны – Иван Кириллович. Царица Наталья Кирилловна ведет теперь гораздо более неподвижный образ жизни, чем это было ранее при муже. Весь печальный для нее 1676 год был проведен безвыездно в Москве. Ребенок-царевич, разумеется, не сознавал происшедшего; в его детской продолжаются те же, как и раньше, беззаботные игры, и детская наполняется теми же игрушками.

Неизвестно точно, когда царевича Петра начали обучать грамоте. Наиболее вероятным следует считать предположение, что с конца 1679 года. Неизвестно также, кто начал его обучать. Сохранилось предание, по которому первым учителем царевича был дьяк Никита Моисеевич Зотов. Предание это повествует, как царь Федор Алексеевич обратил внимание царицы Натальи Кирилловны, что царевичу Петру приспело время учиться, как по докладу боярина Федора Прокофьевича Соковнина был призван к этому делу Зотов, как он был представлен царю, проэкзаменован в его присутствии Симеоном Полоцким и найден пригодным к новой обязанности, как затем патриарх отслужил молебен и, благословив отрока, вручил его учителю, и тот посадил его за ученье, разнообразя уроки показыванием «кунштов», т. е. картин, и рассказами из русской истории, к которой мальчик почувствовал интерес и охоту. Но есть основание считать это предание недостоверным. Зотов в 1680–1681 году посылался с дипломатическим поручением в Крым и «учителем» упоминается в документах только с 1683 года.

Царствование Федора Алексеевича продолжалось недолго, всего шесть лет, и 27 апреля 1682 года в 4 часа пополудни он скончался. Три удара в большой соборный колокол

возвестили московскому населению об этом событии. Начался печальный обряд прощания с почившим царем. В числе прощавшихся упоминаются члены Боярской думы, придворные чины, столичное и городовое дворянство, а также высший разряд торговых людей – так называемые гости. Поклонившись праху почившего, прощавшиеся подходили к присутствовавшим здесь царевичам Ивану и Петру Алексеевичам и целовали у них руку.

Затем патриарх, высшее духовенство и члены Боярской думы собрались в Передней палате Кремлевского дворца, и здесь происходило совещание, кому из обоих царевичей быть на царстве, старшему ли, болезненному, хилому и слабоумному Ивану, сыну от первой жены царя Алексея Марьи Ильинишны Милославской, или младшему, сыну Натальи Кирилловны Нарышкиной, цветущему здоровьем, живому и бойкому умом Петру? Раздались голоса, что этот вопрос может быть решен только собранием представителей от всех сословий, или «чинов» Московского государства, т. е. Земским собором. Такой собор был тотчас же созван на площадке перед Переднею палатою дворца у дворцовой церкви Спаса, что на Бору. На нем присутствовали служилые люди разных чинов, которые только что прощались с государем, высшие торговые люди Московского государства – «гости», затем купцы, составлявшие две особые почетные гильдии, носившие названия «Гостиной и Суконной сотен». На соборах гости и члены «Гостиной и Суконной сотен» считались представителями не только столицы, но также и посадского населения провинциальных городов. Наконец, были призваны старосты так называемых «черных сотен и слобод», на которые подразделялся московский посад; они были на соборе представителями всей массы московского населения. Когда патриарх Иоаким с высшим духовенством и боярами вышел на крыльцо, что перед Переднею палатою, к собравшимся на площади у Спаса чинам – Земский собор оказался в полном своем составе, так как обычно в состав Земского собора входили: высшее духовенство, Боярская дума, представители от служилых чинов и представители от посадского торгово-промышленного населения. К собору патриарх обратился с речью о кончине царя Федора и с вопросом, кому из царевичей быть на царстве. В ответ послышались крики за Петра Алексеевича; но были голоса и за Ивана Алексеевича. Однако первые крики были сильнее, или так, по крайней мере, казалось патриарху и руководителям собора. Поэтому царем был провозглашен Петр, и патриарх, вернувшись во дворец, благословил его на царство.

С его избранием обстоятельства при дворе должны были перемениться. Правительницею государства на время малолетства Петра по народному обычаю становилась его мать, царица Наталья Кирилловна. С нею вновь брали верх ее родственники Нарышкины. Родня первой царицы – Милославские, которыми руководила дочь царя Алексея Михайловича от Милославской, умная, образованная и деятельная царевна Софья, должны были уступить им место. Но ни царевна, ни старший из Милославских, боярин Иван Михайлович, не были людьми, способными легко примириться с неудачей, и с необычайной энергией принялись поправлять дело. Первое столкновение между Софьей и царицей Натальей произошло на другой же день после царского избрания, на похоронах царя Федора, 28 апреля 1682 года. За гробом шли, как полагалось, обе вдовствующие царицы: Марфа Матвеевна (жена Федора) и Наталья Кирилловна и царь Петр в «смирном» (траурном) платье. Но вопреки обычаю, запрещавшему царевнам показываться открыто среди публики, на похоронах Федора явилась, презирая людскую молву, и царевна Софья. Наталья Кирилловна, раздраженная этим поступком падчерицы, поспешила проститься с телом царя Федора, вышла из Архангельского собора и увела сына, не дослушав литургии и отпевания, дав повод к разным толкам и пересудам, которыми воспользовались Милославские. Впоследствии, чтобы положить пересудам конец, царица принуждена была оправдываться, указывая, что малолетний царь не мог вынести долгой службы и голода. Царевна Софья после погребения на обратном пути из собора во дворец, обращаясь к народу, «вопила» и причитала, что враги брата Федора отравили, а Ивана отстранили от царства. «Умилосердитесь над нами, сиротами, – говорила

она, – или отпустите в чужую землю к королям христианским». Этими жалобами царевна, очевидно, хотела указать, что считает происшедшие накануне царские выборы незаконными.

Тотчас же по избрании Петра Наталья Кирилловна вызвала в столицу боярина А. С. Матвеева, на советы которого она рассчитывала опереться, и своих родственников, Нарышкиных. Но Матвеев прибыл в Москву только 12 мая вечером, а между тем неопытная царица-правительница действовала робко и нерешительно и допускала ошибки, которыми тотчас же пользовались в своих целях враги. Неблагоприятное впечатление произвели пожалования и награды, полученные родственниками царицы по поводу царского избрания. В особенности большие укоризны возбудило пожалование 22-летнего брата царицы Ивана Кирилловича, никакими заслугами не отличавшегося, прямо в бояре. Пользуясь недальновидностью и промахами нарышкинского правительства, Иван Михайлович Милославский до приезда в Москву Матвеева, по образному выражению историка С. М. Соловьева, «кипятил заговор». По ночам к нему собирались выборные от стрелецких полков, а с «Верху», т. е. из дворца, от царевны Софьи по стрелецким слободам также посылались агенты с деньгами и обещаниями. Милославские пустили в ход находившуюся в Москве готовую для осуществления заговора силу, которую проглядели и не сумели взять в свои руки Нарышкины. Этою силою было московское стрелецкое войско, московский пехотный гарнизон, состоявший из 20 полков. Стрелецкое войско к концу царствования Федора находилось в каком-то возбужденном, нервном состоянии. Дисциплина в нем совсем расшаталась. В полках завелся казацкий обычай: собираться на сходки, или «в круги», для обсуждения своих дел. Большое недовольство в войске вызывали притеснения командиров, полковников. Стрельцы набирались из вольных людей, из свободных от податного тягла родственников посадских людей или из свободных от податей сельских жителей. В полковники над стрельцами назначались обыкновенно дворяне, продолжавшие на службе привычки и приемы своей крепостной деревни. Стрельцы жаловались, что полковники берут их в свои дворы в денщики, облагают их всякими поборами и работами в свою пользу и тем отвлекают их от промыслов, которыми стрельцы в свободное от службы время занимались. Полковники, очевидно, распоряжались в полках, как в своих именьях. Жалобы на злоупотребления полковников подавались стрельцами правительству еще в последние дни царя Федора. После его смерти жалобы эти раздались сильнее. 30 апреля 1682 года во дворец явились уполномоченные от стрельцов с обвинениями против некоторых командиров и с требованием выдачи их войску на расправу. Царица Наталья и окружавшие ее лица были застигнуты этим требованием врасплох, растерялись и уступили стрельцам.

16 полковников были арестованы, лишены полковничьего чина, приговорены к наказанию батогами, кроме того, подвергнуты суровому правежу, какому обыкновенно подвергались недоимщики и не расплатившиеся должники, пока не уплатят взыскиваемых с них денег. Войско совершенно разнуздалось. Старый начальник всего войска, управлявший Стрелецким приказом боярин князь Ю. А. Долгорукий и товарищ его по управлению приказом сын его князь Михайло Долгорукий теряют всякую власть над стрельцами. Особое влияние на стрельцов приобретает и становится фактическим командиром войска князь И. А. Хованский, воевода, принимавший участие в войнах при царе Алексее Михайловиче, большой болтун и хвастун, «Тараруй», по народному прозвищу. Хованский до поры держал сторону Милославских, возмущался избранием Петра и разжигал и без того взбудораженных стрельцов, стращая их, что при новом царе, которого Бог весть почему выбрали, будут они у бояр еще в большем ярме, чем прежде, будут у них работать самые тяжкие работы, а дети их будут уже совсем невольниками. Хованский пророчил, что новое правительство продаст и все Московское государство в неволю какому-нибудь чужеземцу, а веру православную совсем искоренит. Раздражение клокотало в стрелецком войске. Достаточно было

первого же повода, чтобы оно вылилось страшным потоком. Искусными мерами Милославских это раздражение было направлено против враждебной партии, которую решено было разгромить и устрашить. По рукам стрельцов ходил список «изменников» – бояр, которых надо было истребить. Для начала мятежа был пущен слух, что Нарышкины извели царевича Ивана.

В полдень 15 мая раздались звуки набата, и в Кремль принесено было тревожное известие, что со всех сторон идут туда вооруженные стрельцы. Пока А. С. Матвеев, совершенно проглядевший волнение стрельцов, – что и не удивительно, так как он пробыл в Москве всего два дня и не успел понять ход событий, – докладывал царице, пока отдавали приказ запереть кремлевские ворота, стрельцы с барабанным боем ворвались в Кремль и с криками, что Нарышкины задушили царевича Ивана, подошли к Красному крыльцу. Царица Наталья, узнав о причинах тревоги, вместе с патриархом и боярами вышла на крыльцо и вывела обоих братьев: Ивана и царя Петра. Бушевавшая толпа стихла. Несколько стрельцов, подставив лестницу, влезли на крыльцо и спросили царевича Ивана, подлинно ли он царевич и кто из бояр его изводит. Убедившись в подлинности царевича, стрельцы поняли, что обмануты: слух оказался ложным. Но вожаки движения не дремали. Из толпы раздались крики, чтобы выдали изменников бояр, обозначенных в списке. К стрельцам спустились несколько бояр, в том числе и Матвеев, и стали их унимать. Бестактная выходка кн. Михаила Долгорукого испортила все дело: некстати и слишком поздно вспомнив о том, что он стрелецкий начальник, и не понимая происходившего, он стал резко кричать на стрельцов, чтобы убирались из Кремля по домам. Долгоруких, отца и сына, не любили и не уважали в войске, а тут Долгорукий, над которым глумились в полках, позволяет себе кричать. Толпа рассвирепела. Делом одной минуты было для стрельцов взобраться на крыльцо, схватить М. Долгорукого, сбросить его вниз на копья товарищей, стоявших перед крыльцом, и изрубить бердышами. Вид крови опьянил толпу. Взбегая на крыльцо, стрельцы схватывали обвиненных бояр, именами которых прожужжали им уши, и сбрасывали их на копья; других убивали на площади перед дворцом. Не довольствуясь убийствами, продолжали еще издевательство над убитыми: волокли по земле трупы, крича: «Вот боярин Артамон Сергеевич, вот Долгорукий, вот думный едет, дайте дорогу». 15 мая погибли А. С. Матвеев, стольник Ф. П. Салтыков, которого убили по ошибке вместо брата царицы Ивана Кирилловича, другой брат царицы Афанасий Кириллович Нарышкин, далее воевода, командовавший войсками в походах, кн. Гр[игорий] Ромодановский, боярин И. М. Языков, думный дьяк Ларион Иванов и другие.

Убийствами кровавая трагедия не кончилась. 16 мая стрельцы вновь появились перед дворцом с требованием выдачи Ивана Нарышкина. Однако он на этот раз не был выдан. 17-го они пришли опять с тем же требованием, яростно крича, что не уйдут, пока им не выдадут изменника, и грозя боярам. Дворец оказался вновь в осаде. Царевна Софья обратилась к Наталье Кирилловне, требуя выдачи Ивана Нарышкина. «Брату твоему, – говорила она, – не отбыть от стрельцов; не погибать же нам всем из-за него». Запуганные бояре просили царицу о том же, видя в выдаче Ивана Кирилловича единственное средство погасить мятеж. Царица была вынуждена уступить и велела вывести брата из темного чулана, где он прятался за перинами и подушками. Его привели в церковь Спаса за Золотою решеткою, причастили, соборовали и затем выдали стрельцам. Стрельцы, завидя жертву, бросились на него, но не сразу убили, а потащили его сначала в застенок в Константиновской башне пытать, чтобы добиться у него признания в измене. Нарышкин мужественно выдержал пытку, не сказав ни слова, и все-таки был рассечен на части на Красной площади. В этот же день был варварски казнен, также после пыток, немец доктор Даниил фон Гаден, обвиняемый в отравлении царя Федора и, разумеется, ни в чем не повинный.

Озверевшая толпа наконец насытилась кровью. Но партия Нарышкиных казалась все еще недостаточно разгромленной. По наущению Милославских стрельцы продолжают появ-

ляться перед дворцом с требованиями, наносившими противникам новые удары. Убийства прекратились, начались ссылки и изгнания. 18 мая стрельцы подали челобитную на имя государя, чтобы указал постричь в монахи своего деда, отца царицы Натальи, – Кирилла Полуектовича. Спорить с стрельцами не приходилось; под формой челобитной они диктовали правительству свою волю, которая и была немедленно исполнена. Старик был пострижен и отправлен в Кириллов-Белозерский монастырь. 20 мая подана была другая такая же челобитная о ссылке всех остальных Нарышкиных. Партия Нарышкиных была таким образом уничтожена. Милославские могли торжествовать победу: они добились власти. Но этому фактическому переходу власти надо было придать законные формы. Это было сделано посредством тех же не допускающих отказа стрелецких челобитных. 23 мая войско заявило о своем желании, чтобы царствовали оба брата вместе. Боярская дума, обсудив это требование, решила созвать Земский собор, который опять был тотчас же созван в том же составе, в котором он собирался 27 апреля, и постановил царствовать обоим царям. 26 мая новое требование – царю Ивану Алексеевичу считаться первым царем. 29 мая стрельцы объявили свою волю боярам, чтобы правление государством по молодости обоих царей было вручено царевне Софье. Софья, наконец, достигла цели. Ее заветная мечта осуществилась. Власть, притом открыто и с соблюдением внешних юридических форм, переходила в ее руки.

Царевне, однако, на первых порах пришлось разочароваться в достигнутом успехе. Оказывалось, что она получила только внешнюю форму, только призрак власти. Победа была одержана при помощи такой силы, какую представляло собой в майские дни 1682 года разнузданное стрелецкое войско. Но войско, распорядившееся царским венцом, скоро почувствовало себя хозяином в государстве. Во главе его очутился, сделавшись начальником Стрелецкого приказа на место убитого в смуте князя Юрия Алексеевича Долгорукого, кн. И. А. Хованский. Хованского впоследствии обвиняли в очень высоких и дерзких замыслах и покушениях: говорили, что он мечтал женить сына на царевне Екатерине Алексеевне и указывал на свое происхождение из литовского королевского дома Гедимина, ясно давая будто бы понять, куда он метит. Возможно, что эти россказни появились среди враждебных ему людей. Верно, однако, то, что действительная, фактическая власть в течение лета 1682 года оказалась в его руках. Хованский является в этот период времени посредником между войском и правительницей, и его устами войско продолжает диктовать свою волю царевне Софье так же, как оно ранее диктовало царице Наталье. Стрельцы потребовали, чтобы их войску дан был новый титул «Надворной пехоты» (т. е. гвардии) и чтобы на Красной площади сооружен был памятник, каменный столб с надписью, восхваляющей их деяния 15–17 мая, и Софья должна была то и другое исполнить. Стрельцы поддержали настойчивые требования раскольников устроить на Лобном месте публичный спор о вере с патриархом и архиереями, и Софья устроила его 5 июля 1682 года и присутствовала на нем вместе с царицей Натальей Кирилловной. Приверженцы старой веры, которой сочувствовал Хованский, держали себя во дворце при чтении своей челобитной вызывающе дерзко. Смягчать и укрощать эту требовательность войска Софья должна была постоянными раздачами денег и обещаниями еще больших наград. Правительница скоро поняла, в чьих руках действительная власть, поняла и то, насколько надежною опорою были для нее стрельцы. Распустившаяся, не знающая над собою удержу вооруженная толпа могла совершить кровавый государственный переворот, но не могла служить опорой для обычной правительственной деятельности.

Искать настоящей опоры Софья должна была в иных общественных кругах и нашла ее в том общественном классе, на который опирались Романовы с самого своего избрания – в поместном дворянстве. Поняв опасность и непрочность своего положения в столице, Софья с обоими царями выехала 19 августа из Москвы в село Коломенское, отсюда перебралась в Саввин-Сторожевский монастырь, а затем и в Троицкий монастырь. По окрестным уездам были посланы грамоты с предписаниями служилым людям – помещикам немедленно

собраться и явиться к государям. Отовсюду съезжались дворянские полки. Когда количество этого дворянского войска оказалось достаточным, Софья велела схватить Хованского, казнить его с сыном, без всякого суда. Казнь была исполнена 17 сентября в день ее именин в отстоящем в 10 верстах от Троицкой лавры селе Воздвиженском, где находилась тогда и сама царевна с государями. Стрельцам нанесен был сильный удар. Первым их движением было схватиться за оружие: они заперлись в Кремле, сели там в осаде. Это было уже настоящее восстание против правительницы. Троицкий монастырь, куда укрылся двор, был приведен на военное положение, как во время знаменитой осады его поляками: везде расставлены были караулы, из бойниц стены выглянули дула орудий. Монастырь стал центром, к которому стягивалась служилая рать. Ее сила была столь внушительна, что стрельцы струсили и решили сдаться. Современники живо изображают, как напуганы были они идущей отовсюду на Москву дворянской ратью и с каким трепетом шла под предводительством суздальского митрополита Илариона выборная депутация от них в Троицкий монастырь с повинной. Депутаты опасались, что их перехватают и переказнят так же, как Хованских. Софья, приняв депутацию, согласилась простить стрельцов, если они заслужат прощение своими головами. Стрельцам были предписаны условия, исполнять которые они обязались под присягой. Собираться в круги по-казачьи было им теперь запрещено; столб на Красной площади с хвалебной надписью в память майских убийств велено было сломать; наиболее предприимчивые стрелецкие вожаки были разосланы по уездным городам. Начальником Стрелецкого приказа назначен был думный дьяк Шакловитый, энергичными и суровыми мерами восстановивший в войске хотя некоторую дисциплину. Только после этих мер Софья стала действительною правительницею государства. К ноябрю 1682 года двор вернулся в Москву.

Глава II

Петр в правление царевны Софьи (1682–1689 годы)

Уступив первенствующее место царевне Софье и потеряв власть, царица Наталья Кирилловна остается в Кремле печальною, удаленною от государственных дел вдовою и с годами начинает все на более долгое время покидать Кремль, уезжая в подмосковные царские села. Живя в Москве или в подмосковных дворцовых селах, царь Петр постоянно появляется вместе с старшим братом на церковных торжествах и придворных церемониях и принимает в них участие. Иностранный наблюдатель, секретарь шведского посольства, видевший обоих государей на торжественном посольском приеме летом 1683 года, ярко изображает старшего и младшего братьев. Царь Иван Алексеевич участвовал в церемонии, совершенно как бы не замечая происходящего перед ним; Петр, наоборот, за всем внимательно следил и живо выражал свое участие. «В приемной палате, – пишет этот секретарь, – обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными каменьями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него красивое, открытое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских. Когда посланник подал верющую грамоту, и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о здоровье шведского короля, младший Петр не дал времени приподнять себя и старшего брата, как требовалось правилами; стремительно вскочил со своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: «Его королевское величество, брат наш Каролус Свейский по здорову ль?» Петр в одиннадцатилетнем возрасте показался секретарю шестнадцатилетним юношей.

Но обязательные придворные церемонии, отличавшиеся притом продолжительностью и, надо полагать, до крайности утомительные, едва ли могли привлекать к себе Петра, даже при всей его живости и при всем активном его отношении к окружающему. Вероятно, он чувствовал в них тягостную повинность, отбыв которую он спешил предаться своим любимым занятиям. В чем же заключались занятия Петра в годы регентства Софьи?

Мы уже видели, что дьяк Зотов в документах упоминается в качестве учителя Петра именно с 1683 года. Еще и в 1683 году Петр не расстается с азбукой, которая в этом году переплеталась «в пергамин зеленой». Однако с этого года появляются в его хоромах и другие книги, свидетельствующие о расширении его любознательности. Книги брались из библиотеки покойного царя Федора Алексеевича. 27 февраля 1683 года взята была «библия в лицах (т. е. с картинами) с летописец»; 19 марта были взяты: книга «о луне и о всех планетах небесных», литовская летопись Матвея Стрыйковского, а 29 октября того же года взяты: «книга Беседы иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста на деяние апостольское» и книги Минеи месячные: сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы. Когда именно окончились уроки Зотова, неизвестно, но он за все 1680-е годы в чине думного дьяка неотлучно находится при Петре.

Все более и более внимание Петра захватывают другие занятия, которые и отрывают его, вероятно, от зотовских уроков. В хоромах царевича Петра уже в самом раннем его детстве мы видели военные игрушки. С возрастом эти игрушки развиваются в военные «потехи» – игры. В начале 1682 года для царевича в Кремле у его хором устраивается потешная площадка, на которой поставлены потешный деревянный шатер и потешная изба; на площадке стояли деревянные пушки. До нас дошли в большом количестве записи о выдаче по требованию Петра разных предметов, хранившихся в Оружейной палате, или об изготов-

лении разных предметов по его приказанию. Перед нами в этих драгоценных документах целый мир вещей, которыми окружен Петр, которые его заботят и занимают его внимание, которые показывают, куда направлялись его вкусы и склонности. На первом месте здесь, конечно, предметы военных забав. Так встречаем записи о починке прорванных, видимо, от постоянного употребления барабанов, об изготовлении новых. В январе 1683 года велено было сделать в хоромы малолетнего царя две пушки деревянные, потешные, мерою одна в длину аршин, другая в полтора аршина, на станках с дышлами и с колесами окованными. Пушки эти были изготовлены; внутри они были опаяны жестью, а снаружи высеребрены; станки, дышла и колеса расписаны зеленым аспидом; каймы, орлы, клейма и прочие украшения были вылиты из олова. С переездом двора царицы Натальи в мае 1683 года в Воробьево военные потехи царя приобретают более широкий размах. На Воробьевых горах было для них более простора, чем на площадке кремлевских хором. Прорванные барабаны то и дело присылаются в Москву для починки. В Воробьеве производится стрельба из пушек, но уже не из игрушечных деревянных, а из настоящих железных. 30 мая 1683 года, в день рождения государя, произведена была «потешная, огнестрельная стрельба», за которую огнестрельный мастер иностранец Симон Зоммер и действовавшие под его руководством Пушкарского приказа гранатного и огнестрельного дела русские мастера и ученики получили награды. Новая потеха, видимо, очень полюбилась Петру. В июле того же года стольник Гаврила Иванович Головкин отдал в переделку для государя шестнадцать пушек. В августе этого же года упоминаются 10 человек стряпчих конюхов, состоящих у «потешных лошадей», и среди них Сергей Бухвостов и Еким Воронин – будущие первые солдаты зарождающегося среди этих военных игр первого потешного полка – Преображенского.

Май и июнь 1685 года проведены были в селе Коломенском. Одно требование за другим летит оттуда в Оружейную палату: прислать 16 пар пистолей, такое же число карабинов с перевязями, с медною оправою; прислать 16 мушкетов, 15 карабинов, 8 карабинцев маленьких; прислать луки со стрелами и т. д., и т. д. В Преображенском возникает целый потешный городок, который становится центром этих военных игр. Городок этот в 1685 году, кажется, состоял всего только из двух избушек, но в 1686 году находим известие об отправке туда значительного количества лесных материалов для укрепления городка. По стенам возводятся башни; на передней из них сооружены часы с боем, для чего понадобилось 8 колоколов; через Яузу перебрасываются мосты; городок обстраивается. В этом и следующем годах в нем строятся царские хоромы, каменная церковь, особые дворы, где во время пребывания Петра в Преображенском ставятся его приближенные; строятся: съезжая изба, избы для офицеров потешного отряда, казенный и оружейный амбары, потешная конюшня и множество других деревянных построек. Наряду с военными потехами, Петр, видимо, начинает еще в ранней молодости интересоваться разного рода ремеслами, любовь к которым он сохранит затем на всю жизнь. 27 июня 1684 года, как записано в одной из дворцовых расходных книг, «дано каменщикам за снасти: за лопатку и за молотки железные, которые у них взяты к нему, государю, вверх – 16 алтын». Это первое известие о занятии Петра ремеслом; он начал с ремесла каменщика. От работы каменщика он перешел к печатному делу. 16 ноября того же 1684 года окольничий Т. Н. Стрешнев приказал из Серебряной палаты «к нему, великому государю, в хоромы взнесть на печать доску кованую, красной меди, гладкую, в длину и ширину по десяти вершков». Затем в хоромы поступили плотничьи инструменты. 30 ноября стольник Г. И. Головкин «приказал сделать в хоромы два топорика маленьких плотничных и насадить на топорища кленовые, и закрепить с гайки, чтобы было крепко». За плотничьими инструментами последовали столярные. В 1686 году «сентября со 2-го числа октября по 10-ое число по указу великого государя Петра Алексеевича… станочного дела мастеры делали к нему великому государю в хоромы верстак столярской с двумя выдвижными ящиками». В то же время в сентябре 1686 года покупалась в хоромы «кузнечная всякая снасть». Таким

образом, в детские и юношеские годы Петр проходил разного рода мастерства, навыкал в работе каменщика, типографа, плотника, столяра и кузнеца: упражнял в этих ремеслах детски гибкую руку. Поэтому его рука и была так искусна во всяком мастерстве впоследствии.

В записях Оружейной палаты встречаем известия о посещениях Петром находившейся в палате «оружейной большой казны». Появляясь в палате лично, он осматривал хранившиеся в этой обширной кладовой московских государей вещи и приказывал взнести к себе в хоромы то, что ему было в данный момент нужно или что заняло его внимание. Главным образом Петр выбирает оружие, оружие всего более его занимает. Побывав в палате 11 июля 1687 года, он указал к себе взнесть: пищаль, «ухват, что людей хватают», 3 алебарды немецкого дела, 3 знамени, писанных по шелковой материи, 10 копий железных, 2 копья с крюками, 70 карабинов, 20 копий с древками, 10 древок копейных, 5 труб фитильных, 4 барабана, 2 корабля малых (модели). Но во время одного из посещений, 30 сентября 1686 года, царь вместе с калмыцким колчаном, бухарским луком, булатным тесаком и тремя пистолетами захватил и музыкальные инструменты – «фиоль немецкую, точеную и четыре тулумбаса медных», а также, видимо, привлекший к себе его внимание большой географический глобус. По этому глобусу Петр мог получить представление о шарообразной форме Земли.

Любопытство, возбужденное другим инструментом – астролябией, побудило Петра уже самостоятельно, по доброй воле и с жаром приняться за продолжение столь рано прерванного образования. Об этом втором периоде своего учения рассказывает нам сам Петр в одной из написанных им самим записок. В этой записке Петр дает краткий очерк истории кораблестроения в России и, между прочим, вспоминает и о своем образовании. «Перед посылкою князя Якова Долгорукова во Францию, – пишет царь, – между другими разговорами сказывал вышеупомянутый князь Яков, что у него был такой инструмент, которым можно было «брать расстояния», не доходя до того места (т. е. измерять расстояние между двумя предметами, не подходя к ним). Я зело желал его видеть; но он мне сказал, что его у него украли. И когда поехал он во Францию, тогда наказал я ему купить между другими вещами и сей инструмент. И когда возвратился он из Франции и привез, то я, получа оный, не умел его употреблять. Но потом объявил его дохтуру Захару фон-дер-Гулсту, что не знает ли он? Который сказал, что он не знает, но сыщет такого, кто знает; о чем я с великою охотою велел его сыскать, и оный дохтур в скором времени сыскал голландца, именем Франца, прозванием Тиммермана, которому я вышеописанные инструменты показал, который, увидев, сказал те ж слова, что князь Яков говорил о них, и что он употреблять их умеет; к чему я гораздо пристал с охотою учиться геометрии и фортификации (наука о постройке крепостей). И тако сей Франц чрез сей случай стал при дворе быть беспрестанно и в компаниях с нами». До нас дошли три отрывка из учебных математических тетрадей Петра с собственноручными его записями. В первом из них Петром, вероятно, под диктовку учителя записаны правила первых трех арифметических действий: сложения, вычитания и умножения, а также решенные им задачи на эти действия. Часть задач на умножение писаны рукою учителя. Во втором отрывке находится правило, как определить географическое положение широты каждого места на земном шаре; в третьем правило, как вычислить полет брошенной из мортиры бомбы.

Точно так же любознательность, возбужденная случайно попавшимся на глаза предметом, вызвала в юном Петре ту склонность, которая стала его страстью до конца дней. Так, по крайней мере, объяснял он сам в той же упомянутой выше записке возникновение отличавшей его любви к морю, к мореплаванию и кораблестроению. Потешные суда: струг и шняк – существовали уже в 1697 году в Преображенском потешном городке на Яузе, но исключительный интерес к плаванию начинается со случайной находки. «Несколько времени спустя, – пишет Петр, – случилось нам быть в селе Измайлове на льняном дворе и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между кото-

рыми увидел я судно иностранное, спросил вышереченного Франца (Тиммермана), что это за судно. Он сказал, что то бот английский. Я спросил, где его употребляют. Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших). Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветра; которое слово меня в великое удивление привело и якобы неимоверно. Потом я его паки спросил: есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход мне показал. Он сказал мне, что есть. То я с великою радостию сие услыша, велел его сыскать. И вышереченный Франц сыскал голландца Карштен Брандта, который призван при отце моем в компании морских людей для делания морских судов на Каспийское море, который оный бот починил и сделал машт и парусы и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил, для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевел его на Просяной пруд (в Преображенском), но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более. Того для я стал проведывать, где более воды. То мне объявили Переяславское озеро, яко наибольшее, куды я под образом обещания в Троицкой монастырь у матери выпросился. А потом уже стал ее просить и явно, чтобы там двор и суды сделать. Итак вышереченный Карштен Брандт сделал два малые фрегата и три яхты. И там несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало; то ездил на Кубенское озеро. Но оное ради мелкости не показалось. Того ради уже положил намерение прямо видеть море».

27 января 1689 года царица Наталья Кирилловна женила сына на семнадцатом году на дочери окольничего Федора Абрамовича Лопухина – Евдокии. Свадьба была сыграна скромно. Венчался Петр в маленькой дворцовой церкви святых апостол Петра и Павла, построенной в 1684 году. Таинство совершал его духовник, протопоп Меркурий. К красавице жене Петр не чувствовал никакой склонности. По-видимому, его гораздо более занимали в то время заложенные предыдущим летом в Переяславле корабли. Едва миновал медовый месяц и стали вскрываться реки, Петр летит уже, забыв жену, к любимому озеру. Сохранилось пять писем Петра к матери, писанных из Переяславля весной 1689 года. «Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушъке, – пишет он в одном из них, – государыни царице и великой княгине Натальи Кирилловне, сынишка твой, в работе прибывающей, Петрушка, благословения прошу, а о твоем здравии слышеть желаю. А у нас молитвами твоими здорово все; а озеро все вскрылось сего 20-го числа, и суды все кроме большого корабля в одделке, только за канатами станет, и о том милости прошу, чтоп те канаты по семисот сажень из Пушкарского приказу не мешкоф присланы были; а за ними дело станет, и житье наше продолжитца. По сем паки благословения прошу. Исъ Переяславля, апреля 20 д. 1689».

Глава III

Столкновение Петра с царевною Софьей. 1689 год

В этих забавах проходила юность Петра, и он достиг уже семнадцатилетнего возраста. Если в одиннадцать лет иностранцу, его видевшему, он казался шестнадцатилетним, то понятно, что в семнадцать он выглядел совершенно взрослым. Положение правительницы Софьи становилось поэтому неловким: ей предстояло удалиться.

Софья прекрасно понимала это и давно уже стала заботиться о том, чтобы упрочить свое положение, придав своей власти более постоянную форму. Она стала именовать себя в грамотах рядом с именами царей. В грамотах и других официальных актах титул государей стали писать таким образом: «Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна Софья Алексеевна, всея Великие и Малые и Белые России самодержцы». С того же времени царевна стала появляться вместе с царями на дворцовых церемониях и на выходах к церковным торжествам, приучая общество видеть себя неразлучною с царями. Но всего этого было недостаточно. У Софьи созревает мысль о венчании царским венцом. В августе 1687 года Софья поручила своему думному дьяку Шакловитому без шума разведать, как примут эту мысль стрельцы и поддержат ли ее намерение. Шакловитый созвал к себе на дом 30 стрелецких урядников и предложил им написать челобитную с просьбой, чтобы царевна венчалась царским венцом. Урядники отнеслись к предложению холодно, заявив, что челобитной писать не умеют и опасаются, примет ли ее царь Петр Алексеевич. «Если не послушает, – возразил Шакловитый, – схватите боярина Льва Кирилловича Нарышкина (брата царицы) и князя Бориса Алексеевича Голицына – воспитателя Петра: тогда примет челобитье». – «А патриарх и бояре?» – спрашивают неохотно стрельцы. «Патриарха можно переменить, – горячится Шакловитый, – а бояре – отпадшее зяблое дерево». Из этой беседы Софья поняла, что стрельцы не будут ее поддерживать особенно усердно, раз что надо прибегать к таким насильственным мерам, как захват близких к царю людей и смена патриарха. На время она решила отложить свое намерение; однако же не совсем отказалась от него. Для более постепенного приготовления умов к замышляемому перевороту был отпечатан ее портрет в царском облачении, в короне и со скипетром в руках. Ее окружают семь изображений, представляющих 7 ее добродетелей (разум, благочестие, щедрость, великодушие, надежда божественная, правда, целомудрие). На овальном ободке портрета прописан был полный царский титул царевны с обычным перечислением всех земель, входящих в состав Московского государства. Такое же изображение с надписями на латинском языке было заказано в Голландии для распространения за границей, для подготовки иностранных дворов к московским переменам.

Между тем царица Наталья Кирилловна зорко и ревниво следила за честолюбивыми поползновениями царевны; раз даже не сдержалась и открыто высказалась в присутствии старших и младших царевен, золовок и падчериц: «Для чего она стала писаться с великими государями вместе? У нас люди есть, и они того дела не покинут». Официально между обоими дворами, царевниным и царицыным, соблюдались учтивые отношения. На самом деле между ними накипало взаимное и все более открытое раздражение, становившееся заметным сторонним наблюдателям. Софья косо посматривала на занятия Петра. Его потешных она называла озорниками, а он все набирает и набирает потешных. Как потом выяснило следствие, у людей, окружавших царевну и предвидевших с ее падением и свое собственное, стали появляться страшные мысли. Любимец Софьи, ее министр иностранных дел, князь Василий Васильевич Голицын вздыхал: «Жаль, что в стрелецкий бунт не уходили царицу Наталью с братьями, теперь бы ничего не было». Шакловитый ставил вопрос ребром: «Чем

тебе, государыня, не быть, лучше царицу извести». Один из его подчиненных, стрелец Черный, шел далее всех и высказывался уже совершенно открыто: «Как быть, – рассуждал он, – хотя и всех побить, а корня не выведешь: надобно уходить старую царицу, медведицу», а на возражение, что за мать вступится царь, он добавлял: «Чего и ему спускать? Зачем стало?» Софья подогревала это настроение своими жалобами на притеснения, чинимые будто бы ей нарышкинской партией. Неоднократно царевна призывала к себе доверенных стрельцов и беседовала с ними. «Зачинает, – говорила она перед ними в церкви у Спаса на Сенях, – зачинает царица бунт с братьями и с князем Борисом Голицыным, да патриарх на меня посягает; чем бы ему уговаривать, а он только мутит». Шакловитый, присутствовавший при этом разговоре, сказал: «Для чего бы князя Бориса и Льва Нарышкина *не принять?* (т. е. не убить). Можно бы принять и царицу. Известно тебе, государыня, каков ее род и какова в Смоленске была: в лаптях ходила». – «Жаль мне их, – возразила царевна, – и без того их Бог убил». Среди стрельцов приверженцы Софьи распускали самые нелепые слухи, вроде тех, какие были пущены в 1682 году. Говорили, что Нарышкины покушаются на жизнь царевны; что Федор Нарышкин, придя в комнату царевны, бросил в нее поленом; что Лев и Мартемьян Нарышкины ложились в комнате царя Ивана и изломали его царский венец; что Лев Нарышкин и кн. Борис Алексеевич Голицын растащили всю царскую казну, а всех стрельцов хотят перевести, что в Преображенском только и дела, что музыка да игра, и что приспешники молодого царя с ума споили и т. д. Чтобы раздражить спокойных стрельцов, прибегали даже к хитростям. Преданный Софье человек, подьячий Приказа Большой казны Шошин, одевшись в костюм, похожий на костюм Льва Кирилловича Нарышкина, в сопровождении стрелецких капитанов ездил ночью по Москве, хватал караульных стрельцов и приказывал бить их до смерти. И когда стрельцов начинали колотить, один из спутников Шошина громко восклицал: «Лев Кириллович! за что бить до смерти? Душа христианская». Этим думали вызвать озлобление против Нарышкина в массе стрельцов. Но масса эта оставалась спокойной. На жалобы Софьи у Спаса на Сенях наиболее преданные стрельцы равнодушно отвечали: «Воля твоя, государыня, что хочешь, то и делай». Настроение 1682 года не повторялось. Самые беспокойные и недовольные из стрелецкого войска были разосланы из Москвы по городам после расправы с Хованским, и Софья теперь потеряла то орудие, которым она так успешно действовала в 1682 году. Речи Софьиных приспешников немедленно передавались ко двору царицы Натальи и передавались в настолько преувеличенном виде, насколько могла преувеличивать сплетня XVII века. При царицыном дворе обвиняли Шакловитого в попытках убить кн. Б. А. Голицына и братьев Нарышкиных, говорили, что он намеревался вдовствующую царицу заточить в монастырь или прямо извести, запалив Преображенское, что сторонники Софьи ворожили против здоровья царицы и по ветру напускали на нее с сыном и на всю их родню всякие болезни и т. п. Озлобление между обеими сторонами росло. Легко понять, какое впечатление производили эти разговоры при дворе царицы Натальи на восприимчивого юношу Петра, видевшего в детстве кровавые сцены устроенного сестрой стрелецкого мятежа, какая глубокая ненависть к Софье должна была расти в его душе. Первые открытые столкновения брата с сестрой произошли в июле 1689 года. 8-го июля в день празднования Казанской иконе Божией Матери бывает из кремлевских соборов крестный ход в Казанский собор. На это торжество рано утром 8-го июля приехал из Коломенского в Москву Петр. Оба государя и царевна из дворцовой церкви св. Спаса, сопровождая св. икону, вышли в Благовещенский собор, а оттуда направились в Успенский собор. Против угла Грановитой палаты шествие встретил патриарх с архиереями. Приложившись к иконам и преподав благословение государям, патриарх вместе с ними вошел в Успенский собор. В соборе государи прикладывались к иконам и мощам, а хор пел им многолетие. Отсюда крестный ход должен был двинуться дальше. В этот момент и произошло столкновение Петра с сестрою. Царевна взяла образ «О тебе радуется», чтобы нести его в ходу. Петр потребовал, чтобы

Софья не ходила. Царевна возражала, вышел горячий спор. Царевна настояла на своем и отправилась с крестным ходом, Петр, сдерживая гнев, дошел с процессией до Архангельского собора, здесь ее покинул и уехал в Коломенское. Поводом к дальнейшему раздражению был отказ Петра принять князя В. В. Голицына по возвращении его из похода против крымских татар, окончившегося неудачею. Оскорбленная этим отказом, Софья 27 июля вечером в Новодевичьем монастыре после всенощной говорила провожавшим ее в походе в монастырь стрельцам, жалуясь на царицу Наталью Кирилловну: «И так беда была, да Бог сохранил; а ныне опять беду зачинает. Годны ли мы вам? Буде годны, вы за нас стойте, а буде не годны, мы оставим государство». Чувствовалось, что разрыв произойдет неизбежно. «Все предвидели ясно, – записывает Находившийся на русской службе шотландец генерал Гордон в своем дневнике под 28 июля, – открытый разрыв, который, вероятно, разрешится величайшим озлоблением». «Пыл и раздражение, – говорит он под 31 июля, – делались беспрестанно больше и больше, и, казалось, они должны вскоре разрешиться окончательно». 4 августа сторонниками Петра был сделан шаг, который можно было в противном лагере понять как первый удар. В этот день Петр находился в селе Измайлове и праздновал именины царицы Евдокии Федоровны. В числе поздравлявших явился в Измайлово и Шакловитый. От Шакловитого, пользуясь его присутствием, потребовали выдачи одного из его клевретов, стрельца Стрижева, наиболее усердно подбивавшего других против младшего царя. Шакловитый отказался его выдать и был арестован в Измайлове, но, впрочем, вскоре же и отпущен. Напряженное озлобление, о котором говорил Гордон, дошло до высшей точки. 6-го августа, читаем в его дневнике, «ходили слухи, которые страшно передавать». Катастрофа разразилась в ночь с 7-го на 8-е августа. 7-го августа в Москве было найдено подброшенное кем-то письмо, в котором объявлялось, что в ночь на 8-е придут из Преображенского потешные побить царя Ивана и всех его сестер. Были приняты меры предосторожности. Кремль был заперт, туда пропускали только известных лиц. В Кремль вызван был на ночь сильный отряд стрельцов. Другому отряду в 300 человек велено было стоять наготове на Лубянке. Среди стрельцов различно объяснялась причина их вызова, одни говорили, что они вызваны для того, чтобы ранним утром сопровождать царевну в Донской монастырь; другие, что им придется «пострашать в Преображенском»; третьи, что, наоборот, оборонять Кремль от ожидаемого нападения потешных конюхов, которые придут из Преображенского. Носились самые противоречивые слухи. Среди стрельцов самого преданного, казалось бы, Софье Стремянного полка составилась группа из 7 человек, преданных Петру, во главе с пятисотенным Ларионом Елизарьевым. Они с тревогой следили за приготовлениями этой ночи и видели в этих приготовлениях замысел напасть на Преображенское. Ожидание достигло того напряженного состояния, при котором малейший шорох может показаться раскатами грома. Вдруг ночью в Кремль въехали прискакавшие зачем-то из Преображенского спальник Петра Плещеев со своим человеком и двумя потешными. Его почему-то пропустили через Никольские ворота, но затем стащили с лошади, задержали вместе с его спутниками и повели на допрос к Шакловитому. Тогда двое из преданных Петру стрельцов – Мельнов и Ладогин – помчались в Преображенское, чтобы известить Петра о грозящей опасности. Царя разбудили. В одной сорочке он вскочил на коня – одежда была ему принесена в соседнюю рощу, а затем он помчался к Троице, куда и прискакал утром 8-го августа. Измученный этой скачкой, он, войдя в келью, бросился на постель и в слезах рассказал обо всем прибежавшему к нему архимандриту Викентию. В тот же день приехала в монастырь царица Наталья Кирилловна, пришли потешные и стрельцы стоявшего в Преображенском Сухарева полка.

Между тем в Кремлевском дворце долго ничего не знали о происшедшем в Преображенском. Ночь с 7 на 8 августа после ареста Плещеева прошла спокойно. За два часа до света царевна Софья в сопровождении Шакловитого и ночевавшего в Кремле стрелецкого отряда пошла на богомолье, но не в Донской монастырь, а в Казанский собор. Вернув-

шись из собора, она приказала распустить стрельцов по их слободам. Тогда только получено было известие о бегстве Петра к Троице. В Москве были поражены этим событием; но во дворце сделали вид, что не придают этому значения. «Вольно ему, взбесяся, бегать», – тоном равнодушного человека заметил Шакловитый в ответ на донесение о событии. Однако нетрудно себе представить, что царевна переживала нелегкие минуты. Она не могла не чувствовать, что почва уходит из-под ее ног. Война, скрываемая до сих пор, теперь была объявлена открыто. Петр открыто занял положение обороняющегося человека, спасающегося от злого умысла – это могло привлекать к нему сочувствие общества. Притом он укрылся под сенью святыни преподобного Сергия, за теми самыми стенами, за которыми нашла себе защиту и сама Софья осенью 1682 года.

Как утопающая за соломинку, хваталась Софья то за то, то за другое средство, бросалась то к тем, то к другим, говорила со стрельцами и на площади к народу, жаловалась, просила, то плакалась, что стала теперь ненадобна, что пойдет где-нибудь с братом кельи искать, то грозила рубить головы. Все слушают ее равнодушно. Кн. В. В. Голицын благоразумно удалился в подмосковную деревню, чтобы там выждать, кто возьмет верх. Посланные к Петру для переговоров возвратились ни с чем. Царевна упросила патриарха съездить туда уладить дело; патриарх поехал, но и остался у Троицы. В отчаянии царевна поспешила туда сама, надеясь объясниться. В селе Воздвиженском ее встретил стольник Бутурлин с объявлением, чтобы не ездила. «Непременно поеду», – вспылила Софья. Но навстречу был выслан другой посол от Петра с угрозой, что если поедет, то с нею будет поступлено «нечестно», и царевна принуждена была вернуться. А в то же время от Петра летит в Москву грамота за грамотой: выслать полковника Цыклера с 50-ю стрельцами, выслать по 10 стрельцов от каждого полка и всех начальных людей, выслать служилых иноземцев из Немецкой слободы и выборных из всех московских сотен и слобод. Царевна пытается уговорить, грозит тому, кто уйдет, смертной казнью. Ничто не действует: и стрельцы, и немцы валят толпами к Троице. Наконец 1 сентября, в день Нового года, приехал гонец от Троицы с грамотою, в которой Петр объявлял брату и сестре о заговоре и требовал высылки Федьки Шакловитого. Шакловитый был ближайший человек к Софье после Василия Голицына; и последний не без основания мог видеть в нем соперника. В ярости Софья приказала отрубить гонцу голову, но во всей Москве не нашла палачей для того, чтобы исполнить это распоряжение, и гонец остался жив.

6 сентября стрельцы открыто примкнули к Петру: большою толпою они явились в Кремль к Софье и с дерзкими криками потребовали выдачи Федьки, чтобы вести его к Троице. Софья принуждена была выдать этого последнего верного человека, и дело ее окончательно было проиграно. У Троицы шел розыск и пытки. 11 сентября был казнен Шакловитый. Еще раньше князю В. В. Голицыну с сыном объявлена ссылка в город Каргополь с конфискацией всего имущества за то, что они «сестре великих государей о всяких делах докладывали мимо великих государей и писали ее с великими государями обще», «был послан в 1689 г. на крымские юрты кн. В. Голицын, пришед к Перекопу, промыслу никакого не чинил и отступил, каковым нерадением царской казне учинил великие убытки, государству разорение и людям тягость». Впоследствии Голицыны были переведены дальше, в г. Яренск.

Расправившись с врагами, Петр писал брату от Троицы: «Милостию Божиею вручен нам, двум особам, скипетр правления прародительского нашего Российского царствия; а о третьей особе, чтоб быть с нами в равенственном правлении, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим учала владеть своею волею, и в том владении, что явилось особам нашим противное, и народу тягость и наше терпение, о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи, не удоволяся милостью нашею, преступая обещание свое, умышляли с иными ворами о убийстве над нашим и матери нашей здоровьем и в том по розыску и с пытки винились. А теперь,

государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титлах и в расправе дел быти не изволяем… потому что учала она в дела вступать и в титлах писаться собою без нашего изволения, к тому же и царским венцом для конечной нашей обиды хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас». Царевна вскоре после этого письма была заключена в монастырь.

Глава IV

Военные и морские потехи. – Азовские походы 1695-96 годов

Свергнув Софью, партия царицы Натальи и Петра вновь очутилась у власти. Во главе правительства, заняв место начальника Посольского приказа – по-нашему министра иностранных дел, – стал дядя Петра по матери боярин Лев Кириллович Нарышкин. Военное ведомство, или, как оно тогда называлось – Разрядный приказ, было поручено бывшему дядьке Петра боярину Тихону Никитичу Стрешневу. Вместе с военными делами он сосредоточивал в своих руках также и управление большей частью внутренних дел. Видное место среди новых министров занял кн. Борис Алексеевич Голицын, назначенный начальником Приказа Казанского дворца; ведомству этого приказа было подчинено все Среднее и Нижнее Поволжье, те области, которые когда-то были татарскими царствами – Казанским и Астраханским. Управление остальными приказами было предоставлено другим, менее выдававшимся лицам из партии Петра. Сам Петр, в первые годы после свержения сестры, принимал мало участия в государственных делах.

Предоставив управление министрам, Петр все свое внимание устремил на военные и морские, на «Нептуновы и Марсовы, как он выражался, потехи». Только эти потехи принимают теперь все более широкие размеры. В течение 1692 года царь неоднократно проводил по нескольку времени на Переяславском озере, раз даже ему удалось свозить туда и мать. Там он весь отдавался кораблестроению, и когда приехало в Москву персидское посольство, Лев Нарышкин и кн. Борис Голицын должны были сами приезжать в Переяславль и уговаривать царя бросить на некоторое время корабли и съездить в Москву на прием посольства, так как отсутствие его могло нанести обиду Персии и повести к разрыву с нею. Не довольствуясь уже Переяславским озером, Петр выпросился у матери в Архангельск на Белое море, куда и съездил в 1693 году и второй раз уже по смерти матери в 1694 году (Наталья Кирилловна скончалась 25 января 1694 года). В Архангельске он увидел настоящее море, плавал по нему, провожая голландские корабли, ездил в Соловецкий монастырь; захваченный бурею, чуть было не погиб во время этого путешествия. В первую же свою поездку он не мог удержаться, чтобы не заложить корабля, другой был заказан в Голландии. Летом 1694 года оба были готовы.

Игры с сухопутными войсками обратились теперь в настоящие маневры, происходящие под руководством иностранных генералов в окрестностях Москвы. Войска разделялись на две армии: одна состояла из старого войска, стрельцов под начальством Ивана Ивановича Бутурлина, именовавшегося во время этих маневров «Польским королем», другою командовал «генералиссимус Фридрих» – князь Федор Юрьевич Ромодановский. Эта последняя составлялась из потешных и из полков иноземного строя и обыкновенно разбивала первую. На Яузе была построена даже особая потешная крепость с иностранным названием «Пресбург», около которой и сосредоточивались военные действия. Ее осаждали, ходили на штурм, делали подкопы, взрывали минами. Эти маневры переходили иногда в настоящие схватки: кидали друг в друга чиненные порохом гранаты, палили из пушек бомбами, бились палками, и такие шутки кончались иногда печальными последствиями. В октябре 1691 года был великий и страшный бой. «И тот бой, – писал Петр, – равнялся судному дню, и ближний стольник кн. Ив. Дм. Долгорукий от тяжкие своея раны, паче же изволением Божиим, переселился в вечные кровы, по чину Адамову, идеже и всем нам по времени быти». Эти военные игры незаметно перешли в серьезное дело. Осенью 1694 года, в октябре, были большие бои под деревнею Кожуховым, недалеко от Симонова монастыря, а весною 1695 года затеян был уже поход на город Азов, на Азовское море.

Кожуховские маневры внушили царю такую уверенность в силах и искусстве его полков, в способности его войска вести военные действия, осаждать крепости и брать их штурмом, что тотчас же после маневров он мог искать случая применить только что испытанную силу к серьезному делу.

Походы прямо на Крым при царевне Софье кончились неудачно, и теперь решено было нанести удар врагу с другой стороны, взяв важную крепость при устье Дона, которая могла служить хорошею гаванью русскому флоту на Азовском и Черном морях. К тому же Азов уже раз был захвачен русскими в 1637 году. Этот Азовский поход Петра и был непосредственным продолжением потешных походов. Собираясь туда, царь писал: «Шутили под Кожуховым, теперь под Азов идем играть». Войска иноземного строя и московские стрельцы двинулись под начальством трех генералов: Автомона Михайловича Головина, Лефорта и Гордона. Гордон шел сухим путем через Тамбов и Черкасск, а Головин и Лефорт – с ними находился и Петр в составе бомбардирской роты – спустились на судах по Оке и Волге ниже Царицына, оттуда перешли на Дон и продолжали путь до Азова, к которому подошли 29 июня. В то же время боярину Борису Петровичу Шереметеву с сильным отрядом старого дворянского войска было поручено спуститься к устьям Днепра, чтобы отвлечь внимание неприятеля.

Уклонившись в своем течении к востоку и подойдя близко к Волге, Дон затем делает поворот к западу и, идя в направлении с востока на запад, впадает в Азовское море, разветвляясь при впадении на несколько рукавов и образуя при устьях низменные, покрытые тростником острова с многочисленными озерами. На левом берегу южного из этих рукавов, в 15 верстах от моря расположен город Азов – некогда знаменитая греческая колония Танаис, затем генуэзская, с конца XV века попавшая в руки к туркам и обращенная ими в крепость, которою они запирали выход в море донским казакам. Крепость была особенно усилена турками с тех пор, как в 1642 году она была возвращена им донскими казаками, взявшими было ее в 1637 году, удержать ее казаки без помощи московского правительства не могли, а правительство тогда находило войну несвоевременной. Работы над возобновлением и усилением крепости производились много лет. Она представляла собой каменный четыреутольник с бастионами и с особым каменным замком внутри этого четыреугольника. Кроме каменной стены, Азов был обнесен еще земляным валом и рвом с палисадами (палисады – частокол, устраиваемый во рву). В полуверсте и в версте от этих укреплений Азов был опоясан еще двумя земляными валами, остатками прежних осад. Выше Азова, верстах в трех от него, на обоих берегах Дона были построены две каменные башни – «каланчи», – вооруженные пушками. Будучи соединены протянутыми через русло реки тремя толстыми железными цепями, эти каланчи преграждали выход в море для плывущих по Дону сверху судов. На северном рукаве Дона, так называемом Мертвом Донце, устроен был еще каменный форт под названием Лютик.

Таковы были крепостные сооружения, которые предстояло брать русским войскам.

Русские войска подступили к городу на близкое расстояние, и началась его осада по всем правилам осады городов, практиковавшимся в то время. Инженерами при войске были иностранцы – Франц Тиммерман, Адам Вейде и Яков Брюс. Постоянно собирались военные советы, обсуждавшие каждый шаг в военных действиях. Душою всего дела, разумеется, был сам Петр с его бившей ключом энергией; но официально он прикрывался только званием простого бомбардира и с увлечением занимался метанием бомб в осажденный город с устроенных осаждавшими батарей. 14 июля смелым ударом донских казаков взята была первая из двух каланчей, заграждавших подступ русских речных судов к Азову. В ночь на 16 июля после усиленной бомбардировки покинута была турками и вторая. «Нынешнего месяца июля 14 дня, – писал Петр в Москву брату царю Ивану Алексеевичу, – явным приступом без всякие утраты воинства своего одну каланчу турецкую на реке Дону к Азову взял; под другую же каланчу бысть пушечная стрельба и метание бомб, и от такого страху

турецкие люди в ночи побежали, и тую каланчу в 16 день наше воинство заступило». «И, слава Богу, – пишет он в другом письме, – по взятии оных каланчей яко врата щастия к Азову отворились». Взятие каланчей открыло возможность русским подвозить по реке припасы к осаждавшей армии на судах, а также переправиться через Дон и соорудить на правом берегу против Азова особый форт, откуда город стал подвергаться обстрелу.

Однако дальнейшие военные действия пошли неудачно в значительной степени вследствие неопытности командиров и неподготовленности войск. Штурм крепости, предпринятый 5 августа, был отбит. Осадные работы продолжались, но без особого успеха. Взрывы мин, закладываемых неопытными инженерами, причиняли гораздо более вреда самим осаждавшим, чем неприятелю. Осаждаемые тревожили осаждавших постоянными вылазками. Иногда на русский лагерь налетала державшаяся неподалеку от Азова татарская конница. Между тем время шло; приближалась осень с непогодами. Предпринят был второй штурм 25 сентября; он кончился так же неудачно, как и первый. Тогда решено было от Азова отступить и отложить его осаду до будущего года. 22 ноября войска вернулись в Москву.

Цель, ради которой поход предпринимался, не была достигнута: Азов не был взят. Но неудача нисколько не поколебала Петра. Наоборот даже, она как будто усилила его энергию и увеличила силу его стремления к намеченной цели. Отступление войск от Азова было предпринято с неизменной мыслью вернуться к нему весной. Приготовления к кампании следующего года начались еще под Азовом: укреплены были каланчи и в них оставлен гарнизон, в Черкасске складываются запасы для будущего похода. Эти приготовления все с возрастающей энергией продолжаются по возвращении в Москву. Уже по мере хода военных действий под Азовом для Петра, несомненно, становились все более ясными причины их неуспеха. Они получили, надо полагать, вполне ясное признание на том военном совете – «консилии генералов», – который имел место по возвращении царя из-под Азова. Эти причины были: во-первых, недостаток знающих искусных инженеров для руководства осадными работами и, в частности, минеров для устройства мин. Второю причиною можно было считать отсутствие у русских флота, который мог бы прекратить подвоз к Азову провианта, снарядов и подкреплений с моря. Наконец, третью причину можно было видеть в отсутствии единства командования войсками осаждающих. Войска эти были разделены на три корпуса под начальством равноправных генералов, которые не всегда бывали между собою согласны и нередко не хотели поддерживать один другого. Сам Петр на себя высшего командования не брал; он держался в стороне, был простым бомбардиром. В конце 1695 и в первые месяцы 1696 годов происходит подготовительная работа к новому походу. Заботы о выписке инженеров из-за границы возложены были на дипломатическое ведомство. Началась ускоренная энергичная постройка флота в Преображенском и в Воронеже. В Преображенском строились галеры – гребные, военные, вооружаемые пушками суда, по образцу галеры, выписанной из Голландии и привезенной через Архангельск и Вологду в Москву. В разобранном виде эти Преображенские галеры должны были перевозиться в Воронеж, где производилась их окончательная отделка, оснастка и вооружение. В самом Воронеже и ближайших к нему городах строились струги – транспортные суда для перевозки к Азову войск. С конца февраля 1696 года Петр уже находится в Воронеже и принимает живое личное участие в этих кораблестроительных работах в качестве простого рядового мастера. «А мы по приказу Божию к прадеду нашему Адаму в поте лица едим хлеб свой», – пишет он с этих работ в Москву. В течение апреля галерный флот в числе 29 судов был спущен с Воронежской верфи на воду и двинулся по Дону к Азову под общим начальством *адмирала,* каким был назначен любимец царя Лефорт, швейцарец, уроженец самой сухопутной страны в Европе. К тому же времени собрались к Воронежу и сухопутные силы: полки Лефорта, Гордона и А. М. Головина, и отсюда спускались по Дону на стругах. К войскам должны были присоединиться для осады Азова, как и в прошлом году, донские казаки. На этот раз над всеми военными силами был

назначен общий главнокомандующий – боярин Алексей Семенович Шеин – и этим назначением был устранен недостаток в общем руководстве, вредивший делу в прошлом году. Но Шеин никакими прежними военными заслугами не отличался и был выдвинут как фигура, за которою скрывался настоящий руководитель всеми военными операциями – сам Петр, взявший на себя по своему обыкновению всю суть дела, а внешний парад и блеск предоставивший другому подставному лицу. Официально же Петр во втором Азовском походе значился «командором» одной из эскадр галерного флота, состоявшей из 8 галер.

Со своей эскадрой он двинулся из Воронежа 3 мая, обгоняя плывшие по Дону войска. В Новочеркасске он узнал через казаков, что под Азовом стоят два турецких корабля, снабжающие город съестными и военными припасами. Царь задумал с своими галерами и с казацкой флотилией напасть на эти корабли, 20 мая спустился уже в устье Дона и был в виду кораблей. Однако турецкий флот оказался гораздо более сильным, чем гласили казацкие донесения: он состоял из 13 кораблей и 24 мелких судов. Считая невозможным напасть на турок с теми малыми силами, которыми он располагал, Петр отступил с галерами к каланчам. Но казацкая флотилия из 40 лодок под начальством донского атамана Флора Миняева осталась наблюдать за неприятелем, и вечером 20 мая смело напала на турецкие суда. Предприятие кончилось полной победой. Один из кораблей был сожжен, другой затоплен, остальные поспешили скрыться. Из мелких судов было сожжено 9. Была захвачена значительная добыча в виде снарядов, пороху и разного рода съестных припасов. В начале июня в донском устье стал собравшийся к Азову галерный флот. Таким образом казацкая победа над турецким флотом вечером 20 мая открыла русской эскадре свободный выход в море, а появление русских галер в море отрезало Азов от морского сообщения. И действительно, когда несколько позже подошли было вновь к Азову турецкие корабли, везшие подкрепления и припасы, они не смогли уже доставить их в осажденный город, а вступить в бой с русскими военными судами не решились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.